

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

(ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА)

IX—X

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1929 * ЛЕНИНГРАД

ДВЕ СТАТЬИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ниже мы публикуем две статьи Г. В. Плеханова, которые первоначально были помещены в болгарском «Социалисте».

Первая из них представляет собой обзор «социально-политических событий», который Плеханов написал для «Oesterreichischer Arbeiter-Kalender» на 1896 г.

В конце 1894 г. и начале 1895 г., в связи со смертью Александра III и вступлением на престол Николая II, в земстве и в кругах буржуазной интеллигенции вспыхнули вновь ничем не вызванные иллюзии насчет либерализма молодого императора, вновь стали говорить о «даровании конституции» сверху, вновь капиталистические и хозяйственные круги стали мечтать об освобождении — «без потрясений» — от бюрократической опеки.

Иллюзии были так прочны, что даже недвусмысленный манифест Николая не отрезвил горячие головы «верноподданных», и понадобилась специальная речь в день бракосочетания — 17 (29) января 1895 г., чтобы всяким «бессмысленным мечтаниям» был положен конец.

В ответ на речь Николая появилось в Петербурге «Открытое письмо к Николаю II».

Листовка помечена 19 января 1895 г. Она переиздавалась несколько раз и имела широкое распространение среди интеллигенции. Письмо это было известно Плеханову; он приводит из него заключительную строку.

Оно начинается следующими энергичными словами:

«Вы сказали свое слово, и оно разнесется по всей России, по всему культурному миру. До сих пор Вы были никому неизвестны: со вчерашнего дня Вы стали определенной величиной, относительно которой нет больше места «бессмысленным мечтаниям». Мы не знаем, понимаете ли Вы то положение, которое Вы создали своим «твердым» словом. Но мы думаем, что люди, стоящие не так высоко и не так далеко от жизни, как Вы, и потому могущие видеть, что происходит теперь в России, легко разбираются и в Вашем и в своем положении». (В нашем распоряжении фотокопия с переиздания Союза книгоношей, 7 февраля 1895 г.).

А заключительные слова письма звучат прямо, угрозой:

«Итак, какое действие произведет на русское общество первое непосредственное обращение Ваше к его представителям?

«Не говоря о ликующих, в ничтожестве и общественном бессилии которых Вы сами вскоре убедитесь, Ваша речь в одних вызвала чувство обиды и удрученности, от которого, однако, живые общественные силы быстро оправятся и перейдут к медленной, но упорной и сознательной борьбе за необходимый для них простор; у других она обострит решительность бороться с ненавистным строем всякими средствами.

«Вы первый начали борьбу, — и борьба не заставит себя ждать».

Кто был автором этого «Письма»?

П. Струве в примечании к статье «В чем исход» («Освобождение», № 68 от

15 апреля 1905 г.) пишет: «После 17 января мы — при участии наших друзей из числа земских деятелей — составили и распространили «Открытое письмо к Николаю II».

Автором письма был П. Струве, который уже тогда состоял в политическом содружестве с земскими деятелями. Этот факт, интересный для истории так называемого легального марксизма, приобретает еще большее значение в связи с нижеприведенной статьей Плеханова.

«Письмо» доставил Плеханову, вероятно, сам Струве; другой экземпляр этой листовки он переслал Энгельсу.

Открыл ли он Плеханову свое участие в составлении «Письма»? Повидимому, нет. Несомненно, он рассказал об обстоятельствах, при которых письмо было составлено, и, повидимому, назвал автором кого-либо из своих «друзей-земцев»; вот почему Плеханов без колебаний приписывает «Письмо» «одному весьма умеренному либералу».

Как документ, выражающий настроение известной части умеренно-земской интеллигенции, «Письмо» представляет большой политический интерес, и немудрено, если Плеханов сделал его основой своего «Обзора».

Итак, к числу факторов, повлиявших на отношение Плеханова к книге Струве и его ошибкам, следует причислить, уже не предположительно, а достоверно, плохое состояние информации, невозможность для Плеханова наблюдать на деле, как влияют теоретические ошибки Струве на его практические действия или, вернее, как акая практика породила теоретические отклонения от ортодоксии.

В опубликованном Потресовым письме к Мартову от 25 октября 1908 г. Плеханов пишет:

«Я жалею, что и прежде, когда Струве выдавал себя за нашего, я не обрушился на него, как он того заслуживал. Я не сделал этого, уступая настояниям А. Н.» [Потресова. — В. В.]. Достоверность этого факта неоспорима («приказ не стрелять по Струве». — *Ленин*).

«Обзор» имеет еще и другие задачи. Необходимо было восстановить истину о первых шагах нового царствования, столь бесстыдно извращенную продажной буржуазной прессой Европы. Буквально вся европейская пресса была наводнена фантастическими статьями и известиями об ожидаемых милостях молодого императора, об амнистиях политическим заключенным. Купленные панегиристы рстачали хвалу великодушию Николая II. Рассказывали про манифесты со смелыми, почти революционными мероприятиями.

Плеханову нетрудно было показать, до чего лжив и корыстен весь этот шум буржуазной прессы.

Когда «Календарь» вышел в свет (конец 1895 г.), Ратник перевел «Обзор» Плеханова на болгарский язык и поместил в «Социалисте» (№ 10 от 5 декабря и № 11 от 8 декабря 1895 г.) под заглавием «Общественно-политическое положение России».

Вторая из публикуемых статей написана Плехановым специально для болгарского «Социалиста» и была напечатана в № 68 от 23 сентября 1895 г.

«Социалист» — орган болгарской социал-демократической рабочей партии — начал выходить в Софии осенью 1895 г. два раза в неделю. Ответственным редактором газеты был Георгий Бакалов. На Лондонском конгрессе Интернационала, куда от болгарской социал-демократии были делегированы Г. Бакалов, В. Марков, Х. Раковский и Е. Станкова, Бакалов и Раковский уговорили Плеханова написать для очередного номера их газеты статью.

Отношение Плеханова к болгарским марксистам было всегда самое дружеское. Болгарские марксисты, в свою очередь, относились к Плеханову, как к своему учителю. Нет ни одной сколько-нибудь крупной теоретической работы Плеханова, которая не была бы переведена на болгарский язык. Естественно, что Плеханов охотно откликался на призыв болгарских товарищей.

Такие взаимно-дружеские отношения сохранились до войны.

Плеханов не раз писал заметки и статьи в болгарские социал-демократические газеты, чаще же всего передавал им копии своих работ, и они нередко появлялись почти одновременно с оригиналом. Настоящая же статья появилась лишь по-болгарски. Она чрезвычайно интересна тем, что особенно ярко формулирует и настойчиво подчеркивает связь экономических требований с политической борьбой. Замечательно, что Плеханов в самом начале борьбы с будущими экономистами выдвигает на первый план как основную задачу, для организации самостоятельной партии рабочего класса в каждой отдельной стране и объединение пролетарских партий отдельных стран в «единую международную рабочую партию»; в противовес намечающемуся ревизионизму он видит задачу пролетариата в завоевании политической власти, в диктатуре пролетариата.

В. Ваганян.

I. Общественно-политическое положение в России

(1894 — 1895)

Последние восемь месяцев в России царствует новый монарх, Николай II. Покуда этот молодой человек был наследником, вся Россия, поскольку она либеральна и «просвещенна», считала его бездарностью. При вступлении его на престол мнение это, однако, изменилось. Начали верить в его интеллигентность и даже в его твердую решимость положить конец реакционной политике своего отца. Эта новая легенда обязана своим происхождением нескольким совершенно незначительным событиям: любезному приему старика Милютина — либерального военного министра при Александре II, выговору по адресу деспотического петербургского градоначальника и т. п. Сила иллюзии, питаемая к тому же каждой либеральной режим, возбудила веру в совершенно невероятные вещи. Этим объясняется, что даже после изданного по случаю вступления на престол манифеста, в котором Николай II открыто заявил, что он намерен править страной самодержавно, продолжали говорить о том, что по случаю бракосочетания царя с принцессой Алисой Гессенской будут амнистированы все политические «преступники», будет дана свобода печати и т. д.

День бракосочетания наступил, а вместе с ним наступило и разочарование. Новый монарх соизволил, правда, снизить проценты Дворянскому банку с $4\frac{1}{2}$ до 4, сделать маленький подарок должникам Крестьянского банка (не уменьшив, однако, процентов, вносимых крестьянами), снять («простить», по выражению манифеста) долг с должников государственной казны, сократить сроки наказаний для обыкновенных преступников и... Но это и все: никакой свободы печати, никакой амнистии для политических преступников! То, что заграничная пресса приняла за амнистию, не что иное, как фарс. Действительно помилованы были лишь те, которые были осуждены за участие в польском восстании 1863 г., т. е. за преступление, совершенное ими при вступлении на престол деда Николая II. Остальным политическим преступникам великодушный монарх предоставил право раскаяния.

Каждый политический преступник и каждый эмигрант, который раскается в своем преступлении и свое раскаяние подтвердит пламенным желанием «верой и правдой служить престолу», может надеяться на изменение своей участи. Кто видел когда-нибудь подобное великодушие? Ясно, что всякий политический деятель имеет неотъемлемое право отречься от своих убеждений и сделаться ренегатом, а русские монархи, с своей стороны, в праве обладать умом и сердцем. Но рус-

ские политические заключенные и эмигранты столь же мало пользуются своим «правом раскаяния», как цари своим правом проявлять моральную благопристойность. Мнимая амнистия распространяется лишь на нескольких старцев, уцелевших от 1863 г. О свободе печати ни одним словом не упоминается в царских манифестах. Цензура свирепствует хуже прежнего.

Разочарование, таким образом, полное. Но что там ни говори, несомненно, что русский народ по горло сыт реакцией и настоятельно ищет политической свободы. По сообщениям продажной прессы всех стран, в России недовольна положением лишь кучка «нигилистов», тогда как «хорошее общество» и все «порядочные элементы» любят и защищают абсолютизм. Однако как раз именно эти так называемые «порядочные элементы» потребовали от царя устранения господствующей системы.

20 декабря 1894 г. тверское земство, в котором, как и во всех земствах, преобладают помещики, решило подать царю адрес. Тон этого адреса насквозь «лойялен». В нем говорится лишь о «верноподданнических чувствах» и о «безграничной любви» к его величеству. И все же обращают его внимание на то, что «обожаемый монарх» не нуждается в том, чтобы ограждать себя стеной чиновников; напротив, он должен соединиться с своим народом. Это было все; в адресе ничего не было сказано о том, какими средствами может Николай достигнуть этого «соединения с народом». Все, однако, полагали, что единственное средство, это — созвать Национальное собрание; Николай держался иного мнения. «Я крайне поражен, — заметил он, — дерзостью земства и весьма этим недоволен». К сожалению, это первое доказательство царской терпимости не было последним.

Вслед за тверским земством в том же смысле высказались и земства черниговское, тульское, курское и пермское. Молодой царь решил раз навсегда покончить с этими изъявлениями «верноподданнических чувств». 17 (29) января 1895 г. он принял в Зимнем дворце делегации от всех сословий, пришедшие со всех концов России поздравить его величество со вступлением на престол. Он использовал этот случай, чтобы высказаться. Войдя в приемный зал, он тотчас же повернулся к делегатам, которые благоговейно склонились перед ним, и сказал: «Верю искренности этих чувств, искони присущих всякому русскому. Но мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель». Как сообщают официальные и официозные газеты, эти слова «обожаемого монарха» были встречены громогласным ура. Это правда, что делегаты крикнули ура, но злые языки утверждают, что тут сыграло роль недоразумение. Юный самодержец говорил слабым голосом (некоторые прибавляют даже, что на глазах у него были слезы), и поэтому понять его могли лишь немногие из делегатов. Ура раздавалось при словах «верю в искренность ваших чувств» и замолкло при упоминании о «бессмысленных мечтаниях». Конец речи был выслушан в глубоком молчании. Как бы там ни было, царская речь достигла своей цели: отныне было ясно, какова цена либерализму Николая II.

Через несколько дней после приема делегаций появилось «Письмо к Николаю II», которое обошло всю Россию. Это был написанный одним весьма умеренным либералом ответ на речь царя. Письмо это выдержано в спокойном тоне, но в то же время оно решительно и серьезно. Автор упрекает царя в отсутствии такта и осуждает злосчастное решение во что бы то ни стало держаться за устаревшую систему. «Вы первый начали борьбу, — говорит автор, — и борьба не заставит себя ждать».

Анонимный автор этого письма правильно передал то впечатление, которое современное положение в России производит на всякого непредубежденного человека. Борьба неизбежна. Это знают как в лагере оппозиции, так и в лагере реакции, — в последнем, быть может, еще лучше, чем в первом. Наши реакционеры теперь агрессивнее, чем когда бы то ни было. Николай II оставил на службе старых слуг своего отца. Стремясь удержаться на своих местах, они удваивают свое рвение в борьбе против «разрушительных элементов». Чтобы доказать царю свою необходимость, им до зарезу нужны «заговоры» и аресты. И аресты в России не прекращаются. Они начались со смерти Александра II и, подобно эпидемии, охватывают город за городом, губернию за губернией. Эти аресты должны бы свидетельствовать о рвении «спасителей общественного порядка», но они возбуждают лишь негодование даже у самых «преданных его величеству подданных». Работа русской полиции на пользу «престола и отечества» достаточно известна даже за границей. Петербургские события 20 февраля и 1 марта текущего года особенно ярко характеризуют эту работу.

20 февраля, день основания университета, всегда праздновался петербургскими студентами. Их оставляли в покое даже во времена самой мрачной реакции. Но в настоящем году петербургский градоначальник решил прекратить студенческие увеселения. С раннего утра полиция была сконцентрирована и «в боевой готовности». День прошел, однако, благополучно: случая к «бою» не представилось, так как студенты держались тихо. Но раз гора не пришла к Магомету, то Магомет пошел к горе. В полночь отряд полицейских окружил ресторан Палкина. Несколько студентов (около 20, по сообщению газет) подошли к ресторану. Начальник полицейского отряда объявил им, что в ресторан войти нельзя. «Почему?» — спросил один из студентов. — «Потому что вы намереваетесь нарушать тишину». — «Даем честное слово, что будем вести себя тихо». — «Плевать мне на ваше честное слово», — возразил полицейский. Один из студентов обратил его внимание на то, что он не имеет права оскорблять их. В ответ жандарм закатил ему пощечину. Студент отплатил той же монетой. Этого было достаточно. Начались «волнения», которые нужно было подавить. Их подавляли кулаками и пашками. Были убитые и раненые. Полицейские разошлись до того, что с пашками наголо бросались на случайных прохожих.

На следующий день официозные газеты имели наглость обвинить студентов в том, что они в пьяном виде напали на прохожих и вышибли окна в ресторане.

Ясно, что подобное поведение отнюдь не способно было подействовать «успокаивающим образом» на студенчество. Состоялся ряд митингов, и дело дошло до ареста «зачинщиков». 1 марта Петербургский технологический институт был буквально атакован вооруженной силой. Казаки заняли здание и «очистили» его от студентов. За этим последовали новые аресты.

Не буду рассказывать о «волнениях» в Московском университете. Повсюду происходит одно и то же: провоцирование со стороны полиции, а затем расправа солдатчины.

Времена, когда студент был единственным революционером в России, давно миновали. Ныне и рабочий настолько испорчен социалистической агитацией, что доставляет не мало забот полиции. Рабочих то и дело арестовывают. Большой частью арестованных в ы с ы л а ю т «административным порядком» без всякого судебного процесса. Газеты, разумеется, молчат об этом, и нам приходится пользоваться сообщениями наших товарищей. Согласно этим сообщениям, в Москве, где по случаю 1 мая состоялось много студенческих и рабочих митингов, было произведено множество арестов. Аресты эти находятся в связи с большой стачкой в Ярославле, где около 8 000 рабочих приостановили работу и власти вызвали войска. В рабочих стреляли, и в результате — 8 убитых и 16 раненых.

Я не говорю о социальной политике нового самодержца. Из вышеизложенного ясно, что новое правительство — продолжение старого. Государственный долг растет, с ним вместе растут налоги. Крупная промышленность пользуется поддержкой, дворянство получает всяческие подачки, и «мужик», — как говорят, — несмотря на все, предан царю. Однако я думаю, что мрачная действительность до известной степени подорвала это традиционное чувство. Где ничего нет, там и царь теряет право и — более того — не только право, но и возможность вести себя как благодетель своего народа. Николай II хочет борьбы. Она не заставит себя ждать.

II. «Естественные законы» буржуазии

Во всех цивилизованных странах подкупленная капиталистами пресса ведет поход против социал-демократии и мечет громы и молнии против «разрушительных тенденций рабочего класса».

Она права. В настоящее время в рабочем классе действительно много разрушительных тенденций.

Рабочие требуют сокращения рабочего дня до восьми часов. Они требуют этого дружно, громко и настойчиво. На требование это эксплуататоры отвечают клеветой, бранью и насмешками, лишают «бунтовщиков» хлеба, подвергают их всякого рода полицейской травле, а иногда прибегают даже к расстрелам. Но они сами видят, что дело их проиграно, что не сегодня-завтра, не через год, так через несколько лет, им придется уступить и исполнить требования рабочих. Одно это сознание отравляет капиталистам жизнь, и немудрено, что они вздыхают по доброму старому времени, когда ничего не было слышно о международном социализме, а рабочий был послушным орудием в руках капиталистов.

Сокращение рабочего дня чрезвычайно важно для рабочего класса. Это — первый решительный шаг в сторону коренного переустройства всего общественного строя.

Буржуазные ученые на все голоса твердили и твердят, что рабочий обречен на бедность, что бесполезна всякая борьба против этого «естественного

экономического закона», который осуждает рабочего на полуголодное существование.

Когда-то рабочие верили в эту буржуазную проповедь. Они считались с этими «естественными законами», на которые всегда ссылались эксплуататоры, когда к ним предъявлялись какие-нибудь требования.

Но время это прошло и никогда не вернется. Рабочие всех цивилизованных стран начали совсем другими глазами смотреть на эти «естественные экономические законы».

Наши деревенские старухи до сих пор верят в то, что гром происходит оттого, что пророк Илья на своей колеснице разъезжает по небу. Старухи эти не знают, что такое гроза, повторяют: «Свят, свят, свят!» и жгут свечи перед иконами, как только услышат гром.

Но люди образованные знают, что гром и та самая сила электричества, которая пугает деревенских старух, дает нам возможность освещать улицы и двигать машины.

Человек невежественный слепо подчиняется силам природы; человек, обладающий знаниями, подчиняет эти силы своей воле.

То же имеет место и в сфере социальной. Пока рабочие не разбирались в том, откуда происходит «естественный закон», который их обрекает на подчинение капиталу, они волей-неволей покорялись этому «закону». Нищета их была естественна и неизбежна.

Но как-только они поймут происхождение этого «закона», как только понимание это распространится во всем рабочем классе, наступит конец господству жестокого «закона», т. е. бедности рабочего класса.

Рабочие бедны, когда средства производства (земля, фабрики, сырье и т. д.) принадлежат капиталистам. Чтобы не умереть с голоду, рабочий должен наняться к капиталисту. И до тех пор, пока положение это не изменится, не перестанет действовать жестокий закон, который осуждает рабочего на нищету и всякого рода лишения.

Но действие этого закона прекратится, от самого закона не останется и воспоминания, когда средства производства перестанут быть частной собственностью и перейдут в руки общества, т. е. всего трудового народа.

С этим капиталисты не могут добровольно согласиться. Поэтому-то борьба рабочих против «естественных законов» капиталистического общества означает борьбу рабочих против капиталистов.

Каждый шаг этой борьбы приближает падение капиталистического общества.

Требовать сокращения рабочего дня значит бороться против того «экономического закона», который позволяет капиталисту эксплуатировать рабочего до последней степени. Сокращение рабочего дня, — говорит Маркс, — есть первая победа экономии труда над экономией капитала.

Но это не все.

Чтобы отнять у капиталистов средства производства, надо:

- 1) чтобы рабочий класс каждой отдельной страны сплотился в особую рабочую партию;
- 2) чтобы рабочие партии отдельных стран действовали

дружно и, насколько это возможно, составили единую международную рабочую партию.

Капитализм охватывает в настоящее время все цивилизованные страны. Поэтому побежден он может быть лишь дружными, соединенными усилиями рабочих всех цивилизованных стран.

Чтобы овладеть средствами производства и положить конец нынешнему экономическому строю, рабочий класс должен стать господином положения, т. е. он должен взять политическую власть в свои руки. Когда политическая власть перейдет в руки революционного пролетариата, тогда все царские, королевские и княжеские троны распадутся в прах. Власть революционного пролетариата несовместима даже с ограниченной, конституционной монархией, с которой по сей день в добром согласии живет либеральная буржуазия в целом ряде западно-европейских государств.

Пусть же каждый рабочий, который разбирается в своих задачах, исполнит свою обязанность. На работу, братья!

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
СТАТЬИ и ИССЛЕДОВАНИЯ.	
Г. Бакалов. Христо Ботев и Сергей Нечаев	3
Б. Николаевский. Взгляды М. А. Бакунина на положение дел в России в 1849 г.	38
ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА.	
Письмо Флеровского К. Марксу. С предисловием Д. Б. Рязанова.	55
МАТЕРИАЛЫ и СООБЩЕНИЯ.	
Две статьи Г. В. Плеханова из болгарского «Социалиста». С предисло- вием В. Ваганяна.	63
Анонимная брошюра М. А. Бакунина «Положение в России». С предисло- вием Б. Николаевского.	72
Письма М. А. Бакунина к брату Александру и к Н. И. Тургеневу. С предис- ловием Ю. С.	93
КРИТИКА, ОБЗОРЫ и РЕЦЕНЗИИ.	
А. Р е у э л ь. Обзор статей по теоретической политической экономии, в журнале «Под знаменем марксизма» за 1922 — 1927 гг.	99
Р е ц е н з и и	
I. Диалектический материализм и история философии	120
II. Исторический материализм	133
III. Марксизм и религия	141
IV. Политическая экономия	151
V. История революционного движения в России.	168
VI. История общественных форм	184
VII. История социализма и рабочего движения.	191
VIII. История литературы	198
IX. Психология и педагогика	215
X. Издания Института К. Маркса и Ф. Энгельса	220
ИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА.	
Коллекция писем Л. Фейербаха. (Сообщение Ф. Шиллера)	229
Иностранная печать об Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. (Сообщение Н. Страховой)	231